

Фрагмент рассказа А.П. Чехова «Дом с мезонином».

Вариант 36

— (1) В Малозёмове гостит князь, тебе кланяется, — говорила Лида матери, вернувшись откуда-то и снимая перчатки. — (2) Рассказывал много интересного... (3) Обещал опять поднять в губернском собрании вопрос о медицинском пункте в Малозёмове, но, говорит, мало надежды. — (4) И, обратясь ко мне, она сказала:

— Извините, я всё забываю, что для вас это не может быть интересно.

(5) Я почувствовал раздражение.

— (6) Почему же не интересно? — спросил я и пожал плечами. —

(7) Вам не угодно знать моё мнение, но уверяю вас, этот вопрос меня живо интересует.

— (8) Да?

— (9) Да. (10) По моему мнению, медицинский пункт в Малозёмове вовсе не нужен.

(11) Моё раздражение передалось и ей; она посмотрела на меня, прищурилась, и спросила:

— Что же нужно? (12) Пейзажи?

— (13) И пейзажи не нужны. (14) Ничего там не нужно.

(15) Она кончила снимать перчатки и развернула газету, которую только что привезли с почты; через минуту она сказала тихо, очевидно сдерживая себя:

— На прошлой неделе умерла от родов Анна, а если бы поблизости был медицинский пункт, то она осталась бы жива. (16) И господа пейзажисты, мне кажется, должны бы иметь какие-нибудь убеждения на этот счёт.

— (17) Я имею на этот счёт очень определённое убеждение, уверяю вас, — ответил я, а она закрылась от меня газетой, как бы не желая слушать. — (18) По-моему, медицинские пункты, школы, библиотечки, аптечки при существующих условиях служат только порабощению. (19) Народ опутан цепью великой, и вы не рубите этой цепи, а лишь прибавляете новые звенья — вот вам моё убеждение.

(20) Она подняла на меня глаза и насмешливо улыбнулась, а я продолжал, стараясь уловить свою главную мысль:

Не то важно, что Анна умерла от родов, а то, что все эти Анны, Мавры, Пелагеи с раннего утра до потёмков гнут спины, болеют от непосильного труда, всю жизнь дрожат за голодных и больных детей, всю жизнь боятся смерти и болезней, всю жизнь лечатся, рано блёкнут, рано старятся и умирают в грязи и в вони; их дети, подрастая, начинают ту же музыку, и так проходят сотни лет, и миллиарды людей живут хуже животных — только ради куска хлеба, испытывая постоянный страх. (21) Весь ужас их положения в том, что им некогда о душе подумать, некогда вспомнить о своём образе и подобию; голод, холод, животный страх, масса труда, точно снеговые обвалы, загородили им все пути к духовной деятельности, именно

к тому самому, что отличает человека от животного и составляет единственное, ради чего стоит жить.

(22) Вы приходите к ним на помощь с больницами и школами, но этим не освобождаете их от пут, а, напротив, ещё больше порабощаете, так как, внося в их жизнь новые предрассудки, вы увеличиваете число их потребностей, не говоря уже о том, что за книжки они должны платить земству и, значит, сильнее гнуть спину.

— (23) Я спорить с вами не стану, — сказала Лида, опуская газету. — (24) Я уже это слышала. (25) Скажу вам только одно: нельзя сидеть сложа руки. (26) Правда, мы не спасаем человечества и, быть может, во многом ошибаемся, но мы делаем то, что можем, и мы правы. (27) Самая высокая и святая задача культурного человека — это служить ближним, и мы пытаемся служить, как умеем. (28) Вам не нравится, но ведь на всех не угодишь.

— (29) Правда, Лида, правда, — сказала мать.

(30) В присутствии Лиды она всегда робела и, разговаривая, тревожно поглядывала на неё, боясь сказать что-нибудь лишнее или неуместное; и никогда она не противоречила ей, а всегда соглашалась: «Правда, Лида, правда».

— (31) Мужичья грамотность, книжки с жалкими наставлениями и прибаутками и медицинские пункты не могут уменьшить ни невежества, ни смертности так же, как свет из ваших окон не может осветить этого громадного сада, — сказал я. — (32) Вы не даёте ничего, вы своим вмешательством в жизнь этих людей создаёте лишь новые потребности, новый повод к труду.

— (33) Ах, боже мой, но ведь нужно же делать что-нибудь! — сказала Лида с досадой, и по её тону было заметно, что мои рассуждения она считает ничтожными и презирает их.

(По А. П. Чехову)

Фрагмент рассказа А.П. Чехова «Рассказ старшего садовника».

Вариант 1

(1) Что же касается меня, господа, то я всегда с восторгом встречаю оправдательные приговоры, — сказал Михаил Карлович, садовник графа N. —

(2) Я не боюсь за нравственность и за справедливость, когда говорят «невиновен», а, напротив, чувствую удовольствие. (3) Даже когда моя совесть говорит мне, что, оправдав преступника, присяжные сделали ошибку, то и тогда я торжествую.

(4) Судите сами, господа: если судьи и присяжные более верят человеку, чем уликам, вещественным доказательствам и речам, то разве эта вера в человека сама по себе не выше всяких житейских соображений?

(5) Мысль хорошая, — сказал я.

(6) Но это не новая мысль. (7) Помнится, когда-то очень давно я слышал даже легенду на эту тему, — сказал садовник и улыбнулся. — (8) Мне рассказывала её моя покойная бабушка.

(9) Мы попросили его рассказать эту легенду.

(10) В одном маленьком городке, — начал он, — поселился пожилой, одинокий и некрасивый господин по фамилии Томсон или Вильсон, — ну это всё равно.

(11) Дело не в фамилии. (12) Профессия у него была благородная: он лечил людей.

(13) Жители города были очень рады, что Бог наконец послал им человека, умеющего лечить болезни, и гордились, что в их городе живёт такой замечательный человек.

(14) «Он знает всё», — говорили про него.

(15) Но этого было недостаточно. (16) Надо было ещё говорить: «Он любит всех!»

(17) В груди этого учёного человека билось чудное, ангельское сердце.

(18) Ведь жители города были для него чужие, не родные, но он любил их, как детей, и не жалел для них своей жизни. (19) У него самого была чахотка, он кашлял, но, когда его звали к больному, забывал про свою болезнь, не щадил себя

и, задыхаясь, взбирался на горы, как бы высоки они ни были. (20) Он пренебрегал зноем и холодом, презирал голод и жажду. (21) Денег он не брал, и, странное дело, когда умирал пациент, то доктор шёл вместе с родственниками за гробом и плакал.

(22) Признательность жителей не имела границ. (23) В городке и его окрестностях не было человека, который позволил бы себе не только сделать ему что-нибудь неприятное, но даже подумать об этом.

(24) И вот этот человек, который, казалось, своею святостью оградил себя от всего злого, доброжелателями которого считались даже разбойники и бешеные, однажды был найден в овраге убитым. (25) Можете же представить себе теперь ту скорбь, какая овладела жителями города и окрестностей. (26) Все в отчаянии, не веря своим глазам, спрашивали себя: кто мог убить этого человека? (27) Судьи, которые проводили следствие, сказали так: «Здесь мы имеем все признаки убийства,

но так как нет на свете такого человека, который мог бы убить нашего доктора, то, очевидно, убийства тут нет и совокупность признаков является только простою случайностью. (28) Нужно предположить, что доктор в потёмках сам упал в овраг и ушибся до смерти».

(29) Но вдруг, можете себе представить, случай наводит на убийцу. (30) Увидели, как один шалопай, уже много раз судимый, пропивал в кабаке табакерку и часы, принадлежавшие доктору. (31) Когда стали его уличать, он смутился и сказал какую-то очевидную ложь. (32) Сделали у него обыск и нашли рубаху с окровавленными рукавами и докторский ланцет в золотой оправе. (33) Каких же ещё нужно улик? (34) Злодея посадили в тюрьму. (35) Жители возмущались и в то же время говорили: Невероятно! (36) Не может быть! (37) Смотрите, как бы не вышло ошибки; ведь случается, что улики говорят неправду! (38) На суде убийца упорно отрицал свою вину. (39) Всё говорило против него, и убедиться в его виновности было так же нетрудно, как в том, что земля чёрная, но судьи точно с ума сошли: они по десяти раз взвешивали каждую улику, недоверчиво посматривали на свидетелей, краснели, пили воду...

(40) Обвиняемый! — наконец обратился главный судья к убийце. — (41) Суд признал тебя виновным в убийстве доктора такого-то и приговорил тебя к...

(42) Главный судья хотел сказать: «к смертной казни», но выронил из рук бумагу, на которой был написан приговор, вытер холодный пот и закричал:

Нет! (43) Если я неправильно сужу, то пусть меня накажет Бог, но, клянусь, подсудимый не виноват! (44) Я не допускаю мысли, что мог найтись такой человек, который осмелился бы убить нашего доктора! (45) Человек не способен пасть так низко!

(46) Да, нет такого человека, — согласились прочие судьи.

(47) Нет! — откликнулась толпа. — (48) Отпустите его!

(49) Убийцу отпустили на все четыре стороны, и ни одна душа не упрекнула судей в несправедливости.

(50) Пусть оправдательный приговор принесёт жителям городка вред, но зато, посудите, какое благотворное влияние имела на них эта вера в человека, вера, которая ведь не остаётся мёртвой: она воспитывает в нас великодушные чувства и всегда побуждает любить и уважать каждого человека. (51) Каждого!

(По А. П. Чехову)